

О. Н. Трубочев

**ПРАСЛАВЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ,
ВЫПУСКИ 1—13**

Настоящие заметки посвящены краткому обзору сделанного в области ономастики в праславянском словарном составе в рамках готовой части ЭССЯ — от А до К (выпуски 1—13), т. е. не полностью. Эта неоконченность словаря накладывает, безусловно, ограничения на возможную общую картину. Однако уже сейчас возможны не только отдельные конкретные, но и некоторые общие наблюдения. Примером одного из последних может послужить решение вопроса об антитезе и м я н а р и ц а т е л ь н о е — и м я с о б с т в е н н о е: «... для праславянской лексикографии, в частности для нашего ЭССЯ, она [антитеза. — О. Т.] во многом снимается. Речь идет об эпохе или эпохах, когда исконнославянская ономастика (топонимия, особенно — антропонимия) еще не образует четкой антитезы, оппозиции, противостояния в отношении к апеллативному лексикону (сейчас это остаточо сохраняется только в микропонимии), и это типологически очень интересно. Ведь известно, скольких терзаний стоит упомянутая антитеза лексикографии собственно русского языка. Сказанное делает понятной практику нашего ЭССЯ — давать имя собственное (личное, местное, водное, племенное) с малой, строчной буквы: *běľьgordъ, *čamyslъ, *dorgobqđjъ. Это отвечает их формальной постановке в ряд с апеллативами, из которых они образованы»¹.

Для нашего ЭССЯ характерно довольно широкое включение ономастики в качестве заглавных слов словарных статей; в словарях Миклошича и Бернекера это встречается крайне редко или полностью отсутствует. Довольно непоследователен здесь и новый «*Słownik prasłowiański*» (Краков). В русском этимологическом словаре Фасмера в особые словарные статьи выделены ономы, обладающие этимологическими сюжетами (по мнению автора) и литературой. В качестве свободной аналогии укажу на то, что латинские этимологические словари Вальде—Хофмана и Эрну—Мейе трактуют лишь единичные собственные имена².

Сейчас, оглядываясь на свою работу над ЭССЯ в области ономастики, можно сказать, что она могла бы быть еще полнее и последовательнее в духе заявленных нами выше принципов,

и ономастических словарных статей у нас могло бы быть больше, хотя в целом, кажется, что их довольно много, сравнивая с нашими предшественниками. Дело в том, что наше сознание чисто апеллативного происхождения ряда гидронимов и топонимов в славянских языках приводило к их подчиненной трактовке внутри словарной статьи как ономастического употребления апеллативных слов, хотя это ономастическое употребление может быть тоже древним. Вот почему мы несколько увереннее давали в виде отдельных словарных статей иноязычные включения или более своеобразные славянские гидронимы и топонимы: *bara (ср. иллир. *Metu-baris*, междуречье Савы и Дравы, *Колу-бара*, приток Савы), *bobrava, *dunajь/*dunavь, *dъnъgrь, *dъnъstrь, *jъbrь, *berzъno, *bъlovъža, *bъlь gordь, *bъlьsko/*bъlьskь, *bobrujъskь, *čьrtoryjь, *kan'evь (с его балканскославянско-украинской изоглоссой), *koporyje (русск. *Копорье*), *kujevь/*kujevo. Словообразовательное своеобразие этих отопеллативных случаев позволило увидеть в них еще праславянские ономы. Особняком стоит случай *kuna II со значениями 'столб; колода; оковы' и т. п., апеллатив, собственно, субстантивация старого, несохранившегося причастия страдательного прошедшего *kunь < и.-е. *kouno- 'вбитый, забитый (sc. líc. кол)' от *kovati, — апеллатив, который позволяет понять индоевропейские топонимы, названия городов как 'огороженных часток олом' — лит. *Kaunas*, а также *Καῦνος* в Карию и на Крите, для которых в этих языках (во всяком случае — в литовском) не сохранилось *-n*-овых причастий.

Как отмечалось, особенно зыбкой представляется граница между апеллативом и микротопонимом, ср. *dorь, *garь, *gli-nišče, *jъzrojь, *jъzvorь, *kališče, что выразилось в латентной трактовке последних как оном внутри словарных статей. Ср. также отношение имен собственных (в том числе — личных) и апеллативов в случаях *dorgomilь, *gorazdь, *jъzborь, *koldorqьbь, *konotopь.

Далее, из ономастического содержания ЭССЯ следует назвать словарные статьи, посвященные ономам, которые занимают в праславянской ономастике как бы промежуточное положение и тяготеют прежде всего к антропонимам — либо по своему типу, либо по происхождению. Их немного; это теоним *dadjьbogь/*dabogь. Следующий затем разряд — этнонимы — в своей сущности являются антропонимами — именами и прозвищами людей — как исконнославянского образования (*drьgъvitji 'жители болот'), так и иноязычного происхождения (*dudlěbi, *xъrvati, включая экзотический этноним *jъspolinь). Продуктом древнего славянско-неславянского языкового контактирования может считаться этноним *čexь, *česi, если он калькирует семантику кельтского племенного имени *Boii* — 'бойцы, рубаки' (во всех таких случаях, называемых нами здесь со всей краткостью, мы отсылаем интересующихся более полной информацией к статьям нашего ЭССЯ). Примыкают, с одной стороны — к этнонимам, а с другой —

к антропонимам, групповые прозвища людей, специально выделенные у нас в словарные статьи: *kozojědъ, *kozolupъ, сохранившиеся в местных названиях, и *xlěbojědъ, любопытное как культурно маркированное прозвище. Особых комментариев не требуют прозвища животных, в общем редкие в нашем материале, но зато представленные очевидно еще праславянской моделью на *-ul'a* (**květul'a*, **krasul'a* и — за рамками готовой части ЭССЯ — **pisul'a*), клички коров по масти.

Мы подходим к той части потенциально праславянской ономастики, которая в ходе работы оказалась основной, будучи представлена наибольшим количеством специальных статей ЭССЯ. Это антропонимы, личные имена собственные. Не хочу утверждать, что ЭССЯ дает здесь исчерпывающий материал, поскольку некоторые новые публикации, как например по хорватским антропонимам IX—XI вв., уже показывают возможность включения в праславянский антропономастикон имен **bol'eněgъ* или **bol'eněga*, также других с компонентом *něg-*, с компонентом **čьrn-*³. Конечно, в этих древних дипломатических документах отражено, по-видимому, также немалое количество узко локальных антропонимов, так сказать, *ἄπαξ εἰρημένα*.

Антропонимия оказывается основным разделом ономастики, а также важнейшим материалом при исследовании вопроса о лингвистическом отражении истории культуры, что может пояснить нашу мысль о совмещении наблюдений над праславянской ономастикой с заметками о языковом ограждении культурной истории. Если мне зададут вопрос о том, какие своеобразные отражения нашла история культуры в праславянской лексике и семантике, в языке, я теперь подумаю в первую очередь не о следах доземледельческих значений (следы доземледельческого термина для семени) и реликтах экономики собирательства (этимологическая связь **grab(r)ъ* и *grabiti), не о смене индоевропейского названия бороны новым, славянским, не о понятиях, связанных с общинным выпасом скота и не о традиционных единицах счета, запечатленных в языке; даже не о том, наконец, важном обстоятельстве, что отраженный в языке «деревянный» характер древней народной культуры славян (присущий им, как и другим древним жителям умеренной зоны Европы) самобытно сочетался у них с умением закалять металл, производить сталь наукаживанием полос металла и знакомством с металлургической домной, с широко распространенным обычаем жить в землянках, но иметь наряду с ними и отличные функционально, а также, по-видимому, идеологически маркированные — «высокие дома», храмы, хотя, разумеется, для полного и пространного ответа на вышеупомянутый вопрос мне пришлось бы вспомнить и привести все это и многое другое. В частности (выходя за рамки проэтимологизированного словарного состава от А до К), можно вспомнить, например, то, что наш язык и его культурная терминология, как бы далеко они ни ушли в своем развитии, никогда ничем не смогут заменить таких слов, созданных еще языком и культурой пра-

славян, как наука, завод, станок, самолет (причем в принципе не так уж важно, что *наука первоначально значило, скорее, 'обучение', *zavodъ — 'занятие', 'разведение', *stanъkъ обозначал преимущественно ткацкий стан, а *samoletъ принадлежал к понятиям мифологии).

Но ни древний обряд острижения волос у подростков, отпечатавшийся в словах *xolpъ, *xolstъ, *xolkъ, *xoliti, ни зафиксированные славянской лексикой разные виды клятв (*kleŭva, *pri-seŭga, *rota, соответственно — 'коленипреклонение', 'касание рукой', 'изречение, формула'), ни древнее отсутствие своего особого термина (а, значит, и института?) юридического свидетеля и ни многое другое в таком роде приходят в голову в первую очередь, в качестве наиболее яркого проявления языка в его роли отражателя древних культурных стадий. Ответ на вопрос о таком искомом отражателе наиболее, быть может, органических связей языка и культуры способно дать, по-видимому, в первую очередь углубленное изучение эволюции позиции имени собственного в языке и культуре. Именно так — в языке и культуре нераздельно одном от другого, потому что в проблеме имени собственного делается зыбкой или вовсе утрачивается грань, отделяющая и противопоставляющая язык и культуру, что дает нам право в проблеме имени собственного, проблеме лингвистической, ономастической, искать и видеть, быть может, наиболее эффективный способ ответа на вопрос об отражении истории культуры в языке. Человеку, в конечном счете, интересен больше всего сам человек, что объясняет особое положение антропонимии как квинтэссенции имени собственного, а в нашем случае позволяет из всей совокунности ономастики выделить личные имена собственные людей. Но сначала сам материал ЭССЯ от А до К. Там содержится — главным образом в виде заглавных форм — 115—116 личных имен собственных, предположительно относимых к праславянскому периоду, хотя и распространенных довольно неравномерно по славянскому ареалу (особенно много в старочешском и в сербохорватском): *bezbirъ, *bezdarъ, *bezdědъ, *bezdrъvъ, *bezmirъ, *bezobpašъ, *bezrědъ, *bezstryjъ, *bezstudъ, *bezujъ, *bělovoldъ, *bivojъ, *bobrъkъ, *bogodanъ/*bogъdanъ, *bogomilъ/*bogumilъ, *boguxvalъ, *boguslavъ/*bogoslavъ, *bojeslavъ, *bojъmirъ, *bolgqtъ, *bol'eborъ, *bol'ečajъ, *bol'ečъstъ, *bol'egostъ, *bol'emilъ, *bol'emъstъ, *bol'eslavъ, *bol'esqđъ, *boręta/*borętъ, *borigněvъ, *borislavъ, *borivojъ, *bornimirъ, *bornislavъ, *bornisqđъ, *božetěxъ, *božęta, *brętjislavъ, *budimirъ, *budislavъ, *budivojъ, *bъdigostъ, *cětol'ubъ, *cětorađъ, *cětogněvъ, *cětomyслъ, *čagostъ, *čamyslъ, *časlavъ, *čelomyjъ, *čęstovojъ, *čъstibogъ, *čъstiborъ, *čъstimirъ, *čъstirađъ, *dal'evojъ, *daliborъ, *dalimilъ, *daniborъ, *dobrogostъ, *dobromilъ, *dobromirъ, *dobromyslъ, *dobroslavъ, *dobrovitъ, *dobrovojъ, *dobrožirъ, *dobrožiznъ, *domagojъ, *domagostъ, *domasědъ, *domažirъ, *dorgobqđъ, *dorgomirъ, *dorgoslavъ, *gordislavъ, *gor'eslavъ/*gorislavъ, *gostęta, *gostislavъ, *gostomyслъ, *gъrđęta, *xodislavъ, *xodivojъ, *xodota, *zornimirъ,

*xornislavъ, *zotęta, *zotiborъ, *zotibgdъ, *zotimirъ, *zotimyslъ,
 *zotislavъ, *zotivojъ, *xvalęta, *xvalibogъ, *xvalibudъ, *xvalimirъ,
 *xvalislavъ, *jarobojъ, **jarobudъ-|bgdъ*, *jarognęvъ, *jaromęrъ,
 *jaropęlkъ, *jaroslavъ, *jъzborъ, *jъzbygnęvъ, *jъzęslavъ, **kazi-*
mirъ, *kojęta, *kręsimirъ, *kręsislavъ, *kręsomyslъ, *kromęzirъ,
 *kupislavъ.

Очевидно, что в славянском продолжает (продолжала) функционировать двусосновная словообразовательная антропонимическая модель развитого индоевропейского со всеми главными ее отличиями — перестановка компонентов (*dorgobgdъ — *bgdodorgъ, ср. Ἄρχιππος — Ἰππάρχος), обратная контракция двусосновных в одноосновные: *gostęta — *gostislavъ) и др. Однако при этом удивительно практически полное отсутствие славянско-индоевропейских соответствий двусосновных антропонимов, что, видимо, привело к выдающемуся исследователя индоевропейской антропонимии Милевского к заключению: «... system słowiański jest najmniej zmechanizowany, najmłodszy»⁴. Однако было бы справедливо взглянуть на материал с другой стороны и увидеть в факте относительно свежего формирования славянской антропонимии проявление славянской языковой и культурной архаики, как и в том, что, по Милевскому, славянская антропонимия небогата, насчитывает около 220 лексических основ, как и балтийская (в сравнении с 1000 лексических основ греческой антропонимии, 900 — древнеиндийской, около 500 — германской, около 340 — кельтской⁵; равным образом бедность индоевропейской антропонимии латинского следует отнести к архаичности латинского языка и культуры).

Между славянской и индоевропейской двусосновной антропонимией можно лишь констатировать единичные полные совпадения на уровне семем, ср. *daliborъ/**dal'eborъ* и греч. Τηλέμαχος, собственно 'бьющийся издалека'. Вообще лексико-семантические реконструкции типа 'бьющийся издалека' или 'тот, чьи кони белые' весьма популярны в исследованиях по индоевропейским личным именам собственным такой структуры, что позволяет нам теперь обратиться к отношению антропоним — апеллатив. В праславянской антропонимии ЭССЯ от А до К представлено примерно 74 лексических основы (корня), в том числе: *bez-*, *běl-*, *bi-*, *bir-*, *bobr-*, *bog-*, *boj-*, *bol'e-*, *bolg-*, *bor-*, *bori-*, *borni-*, *bože-*, *bgd-*, *bręti-*, *budi-|bud-*, *brędi-*, *by-*, *cęto-*, *ęa-|ęaj-*, *ęelo-*, *ęęsto-*, *ęęst-|ęęsti-*, *dal'e-|dali-*, *dani-|dan-*, *dar-*, *dęd-*, *dobro-*, *doma-*, *dorgo-*, *dręv-*, *ę-* (*jъzę-*), *gnęv-*, *goj-*, *gordi-*, *gor'e-|gori-*, *gost-*, *gęrd-*, *xodi-|xod-*, *xorni-*, *xoti-*, *xval-|xvali-*, *jaro-*, *jъz-*, *kazi-*, *koj-*, *kręsti-|kręso-*, *kromę-*, *kupi-*, *l'ub-*, *męr-*, *mil-*, *mir-*, *mysl-*, *my(ti)-*, *męst-*, *obpaš-*, *kromę-*, *rad-*, *ręd-*, *ręd-*, *sęd-*, *slav-*, *sqd-*, *stryj-*, *stud-*, *tęx-*, *uj-*, *vit-*, *voj-*, *vold-*, *zir-*, *żizn-*. Все перечисленные выше корни и основы, действительно, принадлежат к славянской апеллативной лексике, что как будто подтверждает известный тезис о вторичности имен собственных. На XV Международном ономастическом конгрессе, центральной темой которого было «Собственное имя в языке

и обществе», был прочитан специальный доклад «Der Eigenname als sekundäre Benennung»⁶. Однако внимательное исследование обнаруживает более сложную картину отношений, ср. уже такой многозначительный сигнал, как то, что именны́е основы *četo-* и *měr-* (выше) фактически не имеют до ономастической, а пеллативной стадии употребления. Можно, конечно, предположить, как это часто и делается, что эта обязательная апеллативная стадия была утрачена, сохранившись лишь в ономастике, не без оснований рассматриваемой как резерв этимологии и лексической реконструкции. Но тут приходится на помощь большинство остальных известных нам достаточно старых славянских антропонимов, которые составлены из достоверно апеллативных лексических основ и вместе с тем несут новое качество, поскольку являются тем, что можно назвать *onomata tantum*: сложения *čestibogъ, *čestiborъ, *čestimirъ, *čestiradъ, *dal'evojъ, *dal'eborъ, *dalimirъ, *daniborъ, *gor'eslavъ, *gostislavъ, *xodislavъ, *xornimirъ, *xotimyslъ, *xvalibogъ, *jarobojъ, *jarogněvъ, *jaroslavъ, *jъzbygněvъ, *jъzєslavъ, *kazimirъ, *krěsimirъ и некоторые другие лишь формально допускают развертывание фраз типа 'тот, кто борется за честь', 'кто рад чести', 'кто воюет издалека', 'кто мил вдали', 'кто славен гостями', 'кто охраняет мир', герср. 'кто губит мир' (*kazimirъ), ономастическим свертыванием которых эти имена якобы являются. На самом деле у этих антропонимов история другая, что доказывается практическим отсутствием у двуосновных имен, выделяемых нами в группу *onomata tantum*, идентичного исходного апеллативного сложения. Это означает, что перед нами чистые изначальные *nomina propria*, созданные в результате моментального однократного акта номинации (*Namenprägung*, *name-coinage*), для которого не потребовались предварительные акты апеллативного словосложения и синтаксического фразообразования. Это главное лингвистическое наблюдение данной работы направлено против излишне прямолинейных традиционных индоевропейских лексико-семантических реконструкций, например гомеровское *ἐγχεσίμωρος*, которое Шантрэн, вслед за другими, читает как 'illustre grâce à sa lance', но характеризует вместе с тем как «inexplicable à l'intérieur du grec» (*Chantraine* 1—2, 311) — характеристика, которая дает повод увидеть здесь устойчивый эпитет на грани с *nomen proprium* и тоже — скорее акт *word-coinage*, чем свертывание пресловутого описательного оборота. Кроме того, всячески подчеркнуть и выделить явление *Wortprägung*, *word-coinage* при номинации кажется актуальным именно сейчас, когда популярная генеративистика, кажется, сильно преувеличивает феномен свертывания синтаксической фразы как основу всех слов и их значений.

Остается специально выделить культурную важность созревания в языке класса онома и как их центра — антропонимов, необходимость правильного культурноисторического и лингвотипологического осмысления этого феномена.

Самый последний по времени очерк принципов одной из индоевропейских антропонимий, насколько я знаю, принадлежит Абаеву⁷ — на материале осетинской антропонимии. Представляют интерес сформулированные там общие закономерности формирования л ю б о й антропонимии: ~~в~~начале — на материале апеллативной лексики своего языка, например, скифо-сарматская антропонимия; затем может наступить о т р ы в антропонимии от собственной апеллативной лексики и заполнение ее иноязычными элементами, ср. позднейшие — русскую антропонимию с ее культурными заимствованиями — в основном греческими христианскими именами — и осетинскую антропонимию, насыщенную заимствованными тюркскими элементами.

Однако мы теперь знаем также о вероятности вхождения в скифо-сарматскую антропонимию, помимо исконно иранского апеллативного состава, также ряда иноязычных индоарийских включений (о чем я писал в других работах). Древняя славянская антропонимия, помимо своей исконной апеллативной базы (см. выше), уже обнаруживает иноязычные элементы — герм. *rǣlk-*, *mēr-* и следы иранских влияний (сложения с *bog-*, с компаративом *bol'e-*, употребленным в духе иранских аналогий). Уже высказывались соображения о формировании основного корпуса праславянской антропонимии в скифское время, чем объясняется ее чуткость именно к скифским влияниям (около середины I тыс. до н. э.). Между скифо-сарматской и праславянской антропонимиями остаются серьезные различия, взять хотя бы культурно-тематический набор апеллативных основ в каждой из них: в скифо-сарматских личных именах нашла отражение важность к о н е в о д с т в а, ср. семь антропонимов от иран. *aspa-* 'конь, лошадь'⁸; в славянских антропонимах мы пока не нашли образований с коневодческой семантикой.

Но самое главное, что, пожалуй, объединяет праславянскую антропонимию лингвотипологически и культурноисторически с другими индоевропейскими антропонимиями, в частности — со скифо-сарматской, — это то, что развитые двусосновные антропонимы формировались, по-видимому, сразу как генуинные *opmata tantum* — из апеллативного лексического материала, но без предшествующей стадии двусосновных апеллативных сложений. Язык маркировал своим особым способом это важное культурно-историческое событие.

Примечания

¹ Трубачев О. Н. Праславянская лексикография. — В кн.: Этимология. 1983. М., 1985, 17.

² Forssman B. Etymologische Nachschlagewerke zum antiken Latein: Stand und Aufgaben. — In: Das Etymologische Wörterbuch. Frage der Konzeption und Gestaltung/Hrsg. von A. Bammesberger (= Eichstätter Beiträge, Bd. 8. Abteilung Sprache und Literatur). Regensburg, 1983, 62.

³ Simundić M. Nepoznata i manje poznata hrvatska osobna imena IX., X. i XI. stoljeća. — Filologija, kn. 11. Zagreb, 1982—1983, 159 и сл.

- ⁴ Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław etc., 1969, 216.
⁵ Там же 11—13.
⁶ Fleischer W. Der Eigenname als sekundäre Benennung. — XV. Internationaler Kongreß für Namenforschung. Karl-Marx-Universität, Leipzig, 13—17. Aug. 1984. Resümee des Vorträge und Mitteilungen, 5.
⁷ Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропимии. — В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985, 23 и сл.
⁸ Milewski. Op. cit., 161.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**-smegnŋti*/*-smegnŋti*, *marati, **o(b)poKa*)

**-smegnŋti*/*-smegnŋti*

В части славянских диалектов засвидетельствованы образования с корневой морфемой *smeg-*: др.-рус. *смѣглии* 'смуглый, темный, черный', *осмѣнѣти* 'почернеть', *прѣсмѣгнути* 'высохнуть, запечься' (Срезневский III, 452; II, 730, 1693), рус. диал. *смяглый* 'смуглый', *пересмягнуть* 'о губах; обветреть, разболеться от воздуха, дорогой в поле, на охоте и покрыться смогаю, гноеватой слизью', *осмягнуть* 'поблекнуть, завянуть, обветреть' (Даль³ II, 1814; III, 207), блр. *засмягнуть* 'завянуть, высохнуть', чеш. *osmahlý* 'загорелый', словац. *zasmáhly* то же (Фасмер III, 695). Этот ряд соответствий дополняет словен. диал. *prismegniti* 'высохнуть (о растениях)'¹ с не совсем ясным корневым вокализмом: для *e* в корне одинаково возможно развитие из *ę* и *e*. Севернославянские образования с назальным элементом в корне, с одной стороны, соотносятся со слав. *smaga (ср. др.-рус. *смага* 'огонь, пламя; сухость, жар', словен. *smága* 'смуглая кожа', с.-хорв. *smag* 'слабость, головокружение от голода', чеш. *smaha*, *smáha* 'жар, зной, ожог' и т. д. — Фасмер II, 682; Skok III, 290)², а с другой стороны, для них допускается возможность чередования со *смуглый*. В ряду предполагаемых отношений **smeg-*: *smuga: *smaga наибольшие трудности вызывает корневой вокализм, не сводимый к какому-то одному типу чередований. И это обстоятельство побуждает усомниться в правильности традиционного сопоставления. При сближении слав. *smaga* с продолжениями основы *smuga < и.-е. **smoug-* (ср. рус. *смуглый*, англос. *smocian*, *sméocan* 'дымиться', англ. *smoke* 'дымить', нов.-в.-нем. *schmauchen* 'дымить, курить' — Фасмер III, 683) корневое *a* объясняется влиянием семантически близкого глагола *pražiti 'сушить, поджаривать', *pragnŋti 'изнывать, жаждать', но такому объяснению, как отмечает Фасмер, мешает форма со ступенью чередования *o* *smogorъ с суф. *-orъ*³: ср. словен. *smogór*, *smogur* 'сучок, нарост на ветке; смоляной наплыв на ели; сыпь на лице' (Pleteršnik II, 520), с.-хорв. *smogor* 'лучина (сосновая или еловая)' (RJA XV, 755; Лица), хорв.-кайк. *smògur* 'сосна, рождественская елка' = *smogòr*